

Сергей ЛЕСНОЙ

ИСТОРИЯ РУССОВ

ВАРЯГИ
И РУССКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Неведомая Русь

Сергей Парамонов

**История руссов. Варяги и
русская государственность**

«ВЕЧЕ»

1960

Парамонов С. Я.

История руссов. Варяги и русская государственность /
С. Я. Парамонов — «ВЕЧЕ», 1960 — (Неведомая Русь)

Очередная книга серии, представляющая труды известного исследователя истории Древней Руси С. Лесного (С. Я. Парамонова), посвящена вопросам происхождения Русского государства и его культуры, становления Киевской Руси и возникновения Руси Новгородской, истокам славянской общности, языка и государственности.

© Парамонов С. Я., 1960

© ВЕЧЕ, 1960

Содержание

Часть 1	6
1. Существовало ли «призвание варягов»?	6
2. Когда началось русское летописание?	11
3. О крещении князя Аскольда	18
4. Древнейшее точное сообщение о руссах	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Лесной

История руссов. Варяги и русская государственность

© Лазарев Е. С, переводы, научные комментарии, 2012

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1

1. Существовало ли «призвание варягов»?

Как известно, «призвание варягов» было краеугольным камнем норманистской теории происхождения Руси. Советская историческая наука полностью и безоговорочно отрицает эту теорию.

Русское государство, называвшееся «Русь», началось не в Новгороде, а в Киеве и задолго до «призвания варягов». В дальнейшем династия новгородских князей – «Рюриковичей» захватила около 882 г. Киев, перенесла немедленно сюда столицу и включила Новгородскую область, вернее Новгородское государство, в понятие «Русь».

Со всем этим нельзя не согласиться. Однако неясно, когда и как создалась эта новгородская княжеская династия.

Посмотрим, как освещает этот вопрос капитальный труд, изданный Институтом Истории Академии Наук СССР: «Очерки истории СССР»; Период феодализма IX – XV вв. в двух частях. Часть 1-я: IX – XIII вв., 1—984, 1953; часть 2-я: XIV – XV вв., 1—812, 1953 + 2 папки (10 + 5) весьма детальных карт.

Этот труд является, так сказать, официальным советским взглядом на древнюю историю Руси. Оказывается, что вопрос решается весьма просто: никакого призвания князей не существовало, всё это, мол, легенда и только. Везде в указанном труде имя Рюрика поэтому подчеркивается как легендарное.

Нам кажется (и мы постараемся это ниже доказать), что советские историки в своем отрицании варягов ударились в другую крайность и отрицают то, что на самом деле всё же было.

И здесь сказывается столь типичное для гуманитарных наук давление не столь логики, сколько «внутреннего убеждения». Варяги так стоят поперек горла представлениям советских историков, что они в пылу усердия выплескивают вместе с водой, т. е. норманистской дребеденью, и самого ребенка, т. е. историческую правду.

Почему советским историкам не нравится призвание варягов – нам остается непонятным. Совершенно очевидно, что роль варягов была мизерной, наконец имеются доказательства славянского происхождения князей-варягов. Таким образом ничего, так сказать, предосудительного в призывании «варягов» древними руссами усмотреть нельзя. В наших очерках мы привели много доказательств тому, что древнерусская государственность – дело исключительно славян, что ни «варяги» вообще, ни князья-«Рюриковичи» государственности не создавали, они были только выявлением уже существовавшей и прогрессирующей государственности.

Отрицая призвание князей, советские историки оставляют начало истории Новгородского государства совершенно повисшим в воздухе.

Вот как начинается упомянутый капитальный труд по истории СССР главу: «Древнерусское государство, IX – X вв.» (стр. 79):

«Согласно летописному преданию, именно северный, новгородский князь занял Киев, который с этого времени и становится “матерью городов русских”, центром древнерусского государства. Это событие, согласно летописным данным, произошло около 882 года, когда Олег, князь новгородский, собрал большое войско из новгородских словен, кривичей, чуди, мери, веси, наемников-варягов и хитростью захватил Киев, предварительно заняв Смоленск и Любеч и умертвив киевских князей Аскольда и Дира». Далее уже идет речь о последующей деятельности Олега.

Спрашивается: но кто же такой был Олег, откуда он взялся, как он стал новгородским князем? Казалось бы, в труде, заключающем 984 страницы, должно было найти себе место освещение вопроса: кто-же был первым русским князем? Если этим серьезно интересовались на Руси в начале XI века, то в наши времена, казалось бы, есть больше оснований интересоваться тем же.

Допустим, что «призвания князей» не было, но ведь Олег откуда-то да явился? Кто он: германец или славянин? Князь по происхождению и по традиции в Новгороде или случайный выскочка, либо, наконец, просто завоеватель?

На этот вопрос мы не находим решительно никакого ответа, и именно потому, что если заговорить об Олеге, то надо признать «призвание князей», а этого-то советские историки и боятся больше, чем черт ладану.

Стоя на такой позиции, т. е. желая «и невинность соблюсти, и капитал приобрести», советские историки также ни слова не говорят о том, кто же был Игорь. О нем только деликатно, но достаточно уклончиво, сказано, что он был «преемник Олега».

С какой точки зрения ни рассматривать историю СССР, а в таком капитальном труде сказать, кто такие и в каких отношениях были Олег и Игорь, – неизбежно и необходимо.

Если же мы находим умалчивание, то это не случайное, а намеренное, злостное умалчивание. Ведь нельзя же представить себе читателя, который не спросил бы: а кто такие Олег и Игорь, и откуда они взялись?

Делать, однако, нечего: приходится согласиться с тем, что новгородский князь Олег откуда-то сваливается на поле истории и его советские историки рассматривают, как историческую личность.

Таковыми же историческими личностями считают они и Аскольда и Дира. Но почему? Должно быть, потому, что их убил реальный Олег, но ведь они были в то же время боярами «легендарного» Рюрика?

Одно из двух: либо в основном принимать летопись, либо ее отвергать. Ни о Рюрике, ни об Олеге, ни об Аскольде нет ни слова в иностранных источниках. Всё, что мы о них знаем, заключено в летописи. Почему мы должны верить в существование Олега и отрицать существование Рюрика, если они оба вместе с Аскольдом и Диром появляются на первой же странице летописи и притом связанными друг с другом известными отношениями?

Что дало основание советским историкам вырвать Олега из связного рассказа и его только признать реальным? Мы ответим: произвол. Но там, где есть произвол, нет науки. В реальность Аскольда и Дира историки верят, а в реальность Рюрика – нет. Очевидно, потому, что Рюрик – «буржуй», а те – «пролетарии».

Историки не хотят подумать и о том, что Игорь был бесспорно исторической личностью, нашедшей отражение даже в иностранных источниках, более того: даже в международном договоре. Но если Игорь был лицом историческим, то у него должен был быть и отец. Самопроизвольного зарождения людей наука пока что не знает.

Об этом обстоятельстве советские историки предпочитают целомудренно умалчивать, они всячески избегают говорить о родственных отношениях между Рюриком, Олегом и Игорем.

Однако не мог же быть Игорь «преемником Олега», не находясь с ним в какой-то династической связи. Если этого не было, т. е. Олег и Игорь были совершенно посторонние, независимые друг от друга лица, то, значит, Игорь пришел как-то к власти самостоятельно, т. е. захватил ее силой, обманом, либо был избран почему-то народом. Однако в истории об этом нет ни слова, ни малейшего намека, наоборот, летописи указывают прямо, что Игорь был сыном Рюрика.

Если у советских историков есть основания подозревать, что Игорь не был сыном Рюрика, то почему об этом молчать в труде, занимающем почти 1000 страниц?

Как могло случиться, что у «реального» Игоря мог оказаться «легендарный» папаша? Ведь времена Игоря – не времена царя Гороха, он жил в эпоху довольно высоко развитой культуры и попал на страницы международной истории. Значит, его отец не мог быть какой-то мифической личностью. Ведь Игоря отделяет от отца максимально срок в 50–60 лет, т. е. срок, о котором уже никак нельзя сказать, что он «теряется во мраке истории».

Состав семьи Игоря нам совершенно точно не известен, но мы знаем из договора Руси с греками, что у Игоря было несколько сестер, ибо в договоре перечислены послы от его «нетиев», т. е. племянников по сестриной линии.

Значит, Рюрик не был легендарной личностью, если производил реальных и фиксированных историей детей, это не «королевич Елисей» сказки Пушкина.

Далее мы знаем из Иоакимовской летописи (новгородской летописи и поэтому более богатой местными известиями), что у Рюрика было несколько жен и что Игорь был сыном его любимой жены Ефанды, дочери князя «Урманского», т. е. норвежского. Знаем мы и то, что другие жены дарили его всё дочерьми (что и подтверждается договором Руси с греками), и что он желал иметь наследника. Он обещал Ефанде, что если она родит сына, то он подарит ей город в Ижоре, что он и сделал, когда Игорь родился. Наконец, мы знаем, что часть Ижоры носила еще во времена Петра I название Ингерманландии, что предание объясняет это название тем, что эта область – как раз та, которую получила Ефанда за рождение «Ингера» (Игоря), называлась она Ингрией.

Таким образом, сведения Иоакимовской летописи находят и косвенные подтверждения.

Знаем мы также, что у Рюрика было двое братьев: Синеус и Трувор (по Никоновской летописи – Тривор), знаем мы, где они княжили и когда приблизительно умерли. Из исторической статьи Новикова, использовавшей, вероятно, не дошедшие до нас летописи, мы знаем, что Рюрик был убит в войне с карелами.

Таким образом, Рюрик освещен в истории не так уж и плохо, во всяком случае не хуже многих его потомков, а самое главное: ничего мифического или «легендарного» в имеющихся о нем известиях нет. Легендарным кажется историкам только его призвание, а раз так, то они и самого Рюрика относят к области фантастики, необоснованность такого вывода совершенно очевидна.

Историков не смущает, что этот легендарный герой умудрился угробить вполне реально Вадима Храброго, новгородского вожака, а вместе с ним и многих его товарищей, что другие сторонники Вадима Храброго вынуждены были бежать из Новгорода в Киев, причем уже не новгородский, а киевский летописец сохранил нам подлинные слова новгородцев по этому поводу.

Эти факты почему-то историками забываются, хотя в реальности и верности их нет никакого сомнения. Очевидно, «забывчивость» историков объясняется тем, что нет возможности связать реальность этих фактов с нереальностью Рюрика.

Подводя итоги, мы можем положительно утверждать, что личность Рюрика освещена летописью в достаточной степени, что перед нами действительная, живая личность, а не порождение фантазии, вроде Ильи Муромца.

Нет никакого сомнения, что первый летописец больше знал о Рюрике, чем он внес в летопись, но это уже не вина Рюрика и его реальности не умаляет.

Если сравнить, что летопись говорит об Олеге или Светославе, то никак нельзя сказать, что Рюрику уделено меньше внимания. Если мы выбросим действительные легенды о мести Ольги – о ее хитрости во время крещения ее греческим императором, то о ней летопись сказала, пожалуй, меньше, чем о Рюрике, хотя о первом, естественно, сведений у летописца было гораздо меньше, ибо его время было почти на 100 лет старше эпохи Ольги.

Таким образом, историчность Рюрика не подлежит сомнению. Поэтому странным оказывается, что столь капитальный труд оказался не способным объективно осветить начало рус-

ской истории. Становится немножко неловко за Институт Истории Академии Наук. Сомневаться, конечно, никому не запрещается, но для сомнений должны быть основания, их Институт Истории не нашел и не изложил.

Перейдем теперь к самому ядру вопроса: существовало ли самое призвание князей-варягов? Могут наконец найтись и люди с компромиссным взглядом: Рюрик, мол, существовал, но был завоевателем, а не приглашенным специалистом военного дела.

Мы уже обращали внимание в одном из очерков, что призвание варягов состоялось не так примитивно и просто, как это описал поэт Алексей Толстой в своей сатирической «Истории России от Гостомысла и до наших дней», и как это принимали всерьез многие историки. На деле этот шаг был гораздо сложнее: боролось несколько предложений: 1) выбрать общего князя из своей среды, 2) пригласить князя из полян, 3) из хазар, 4) от дунайских славян, 5) пригласить от варягов. В летописи определенно далее указывалось, что разговоров было много, значит, вопрос разбирался очень серьезно, каждое предложение взвешивалось; мы не знаем почему, но последний проект одержал верх. В одном из последующих выпусков мы рассмотрим более подробно этот вопрос. Чтобы не уклоняться слишком в сторону, мы не будем рассматривать его здесь. Таким образом, избрание князя оказалось шагом весьма обдуманном, крупного масштаба, ибо вовлекал многие государства от Балтийского и до Черного и Азовского морей.

Посмотрим, как относятся историки к этому отмеченному в летописях факту.

Чтобы набросить тень на не нравящееся призвание варягов, старались всячески подорвать доверие к самому факту. Это, мол, обычный прием возвеличения династии, приписывание знатного родоначальника-иностранца.

Но одно дело генеалогия, а другое дело история. Мы имеем в лице Рюрика не двенадцатую воду на киселе в отношении Игоря, а родного отца его.

Уже второе поколение нашей генеалогии (Игорь) не включает в себе ничего сомнительного. Следовательно, летописец имел все основания достаточно знать и о первом поколении. Во-вторых, летопись ничего не говорит о высоком положении Рюрика на родине, она не делает из него ни князя, ни короля. А ведь если бы искали пышной генеалогии, то не могли не «прибавить» в этом направлении. На самом же деле летописец обходит это полным молчанием – значит, он не интересуется пышностью генеалогии, дело не в ней.

Указывали, далее, на то, что приглашение князей – это ходячий сюжет, встречающийся в летописях и у других народов, ссылались, например, на одну из английских хроник.

Всё это совершенно верно, но верно и то, что не только Русь, но и множество народов неоднократно посылали делегации за новыми династиями. Это совершенно обычное явление в жизни народов, и нет ничего удивительного, что и Русь не оказалась исключением. Здесь следует отметить, однако, что призвание князей на Русь древнее приглашения князя английских хроник, поэтому «ходячим сюжетом» это событие могло быть не для Руси, а для Англии.

Хотели увидеть заимствованный сюжет в том, что посланцы говорили Рюрику и его братьям: «Земля наша велика и обильна». Но что же иное могут говорить посланцы при подобных обстоятельствах? Что «Земля наша мала и ни к черту не годится»? Ясно, что посланцы северных славян и финских племен говорили и должны были говорить тоже, что говорится в подобных случаях.

Однако и здесь сказалась реальная черта – посланцы добавили: «...а наряда в ней нет», т. е. сказали то, чего не было в «ходячих сюжетах» других народов, и здесь отразилась действительность, жизненная черта.

Некоторые, наконец, подкапывались: почему, мол, не два и не четыре брата, а непременно мифическое три? Не доказывает ли, мол, это число вообще мифичность всей истории?

Спрашивается: ну а в жизни разве не бывает трех братьев, неужели в этом можно усмотреть что-то мифическое? Вот в свое время на Руси княжили трое князей: Изяслав, Светослав и Всеволод, неужели они мифичны, потому что их трое?

В отношении такой критики можно быть уверенным, что если бы в летописи стояло «два брата», то критики непременно возразили бы: а почему не три или четыре?

На подобную критику не поспешили, а вот почему-то не обратили внимания на необычность призвания не князя, а князей. Очевидно, это как раз соответствовало потребностям огромной страны, управлять которой, принимая дальность расстояний, было одному не под силу. Вот в этой-то необычности призвания и лежит доказательство, что это не «бродячий сюжет», не избитое место, а отражение действительной жизни.

Перечисленные выше возражения можно назвать их настоящим именем – это не критика, а придирки, некоторое зудение от духа противоречия.

В самом факте призвания династии ничего удивительного нет: примеров в истории много. В летописи объяснена и причина этого мероприятия. Наконец, и по времени (вторая половина IX века), это не какая-то необыкновенная древность, затянутая туманом истории.

Ничего нет предосудительного и в том, если бы действительно было доказано, что династия была не славянская: англичане не сделались немцами от того, что на их троне сидели немцы, а французы – испанцами, от того, что в жилах их королей текла испанская кровь и т. д.

Отрицание призвания князей имеет иную подоплеку: боятся, что, признав призвание, тем самым признают, что русская государственность создана чужими. Мы уже приводили огромное количество доказательств, что это не так, и тут повторим еще раз, что не варяги-князья создали государственность на Руси, а государственность северных славян созрела настолько, что возникла необходимость в централизованном, федеративном государстве, а отсюда князь типа Рюрика.

Поэтому отрицание призвания варягов есть только отголосок трусости перед норманистской теорией. Институт Истории Академии Наук, обжегшись раз на горячей воде, дует теперь уже и на студеную, оказывается, что целый ареопаг историков испугался тени скандинавов-норманнов!

Пусть будет так: трудно трусу сделаться храбрым, но при чем тут фальсификация истории? Ведь Игоря совершенно напрасно делают человеком без рода и без племени, а Рюрика устраниают со сцены истории, дабы он своим поведением не оскорбил благородных чувств советских историков.

Нам нужна не покалеченная, изуродованная история, а такая, какой она была, т. е. и черная, и белая. На черной мы будем учиться, а белой гордиться. Институт Истории Академии Наук мифичности Рюрика не доказал, но зато злобно о нем умолчал. Это доказывает, что ложные теоретические бредни Покровских, Марров и т. д., в свое время высоко поднятых на щит, до сих пор еще владеют умами советских историков, проделавших, надо признаться, все же огромную положительную работу. Как хотелось бы, чтобы они поскорее сбросили с себя остатки негодной шелухи и перестали быть игрушкой временщиков фаворитов.

2. Когда началось русское летописание?

Если мы обратимся к мнению специалистов, занимавшихся исследованием русских летописей (А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева и др.), мы увидим, что самую древнюю летопись они усматривают в гипотетическом «Начальном своде» 1037–1039 годов.

Имеются, однако данные, позволяющие думать, что русское летописание началось гораздо раньше. Имелся период в летописании, который мы условно назовем «аскольдовским», – это был период перво летописи, когда уже существовала погодная запись событий, но не было еще цельной истории Руси на фоне мировой истории. Была запись событий, но не было идеологического стержня для создания истории Руси.

Затем был большой перерыв и наступил второй период, который мы условно назовем «рюриковским», – это был период общеизвестной нашей летописи, «Повести временных лет», которая базировалась на двух принципах: 1) христианстве и 2) рюриковской династии, как созидательнице Руси. Оба эти периода не были, однако, совершенно изолированными. Второй период, «рюриковский» или «Повести временных лет», безусловно в значительной части фактического материала опирался на первый, «аскольдовский», но не представлял собой совершенно самостоятельного пути развития русской летописи.

Однако второй период летописания наступил тогда, когда летопись была не столько записью исторических фактов, сколько политикой, подчиненной интересам рюриковской династии. Факты истории не имели самодовлеющей роли, они были орудием для создания известных политических взглядов и настроений.

Это обстоятельство было причиной того, что летописец второго периода, «рюрикист» по убеждению, совершенно оставил в тени существование перво летописи, почти вовсе игнорировал период «аскольдовского» развития Руси и воспользовался из перво летописи весьма немногочисленными сведениями.

Он заимствовал, надо полагать, в технической части форму летописи, но самое повествование он построил на ином принципе: его интересуют не столь самые факты истории, сколько освещение их. Его летопись – не история, а политика современности, оперирующая специально подобранными фактами истории. Его история – селекционированная и в значительной степени выхолощенная история. Отсюда и крайняя бедность летописи фактами о культурном, экономическом, производственном и т. д. росте народных масс.

Однако летопись или даже летописи аскольдовского периода не были вовсе уничтожены, они были отодвинуты в архивы, подальше от любопытных глаз. Время от времени настоящие летописцы, а не редакторы или копиисты, все же заглядывали в летопись аскольдовского времени и, подчас заинтересовавшись теми или иными деталями, вносили их в свиток официальной рюриковской истории.

Особенно богатой включениями из перво летописи оказалась Никоновская летопись. Ее содержание является главным доказательством существования перво летописи во времена Аскольда.

Хотя эта летопись, принадлежавшая патриарху Никону, и относится к XVI столетию, однако в своей части, охватывающей начало Руси, она гораздо богаче сведениями, чем, например, Лаврентьевская или Ипатьевская.

Можно было бы предположить, что эти сведения являются позднейшими добавлениями, иначе говоря, продуктами фантазии, однако часть их встречается и в других летописях, например в Воскресенской, Тверской, Софиевской 1-й и т. д. Но самым главным доказательством подлинности их является их **содержание**. Это всегда сведения второстепенного или третьестепенного характера, так что можно предположить, что летописцы «рюриковцы» пропускали их просто по их малозначимости. Какое значение имело, например, сообщение, что в Киеве

в 875 году(!) «бысть глад велий»? Такое сведение легко могло быть опущено позднейшими летописцами ради экономии места, труда и времени.

Характерна также для этих сведений чрезвычайная их краткость, конкретность и локальность: всё это мелкие, местные, второстепенные детали.

Однако, как мы увидим ниже, эти мелкие детали позволяют иногда прочесть между строк весьма важные вещи.

Подлинность, аутентичность этих сведений не подлежит ни малейшему сомнению, и не лишено значения то, что Татищев, пользовавшийся многими не дошедшими до нас источниками, включил в свою «историю» не только многое, что есть в Никоновской летописи, но даже более этого. Это доказывает, что были источники еще более полные, чем те, что легли в основу Никоновской летописи.

Для обычных, утилитарного характера летописей, в особенности мелких центров, такие сведения были слишком громоздки и неинтересны, их во множестве выпускали, см. например, для сравнения Устюжскую летопись, но в солидных списках, как для патриарха Никона, они нашли себе место.

Есть основания подозревать, что имелись в перво летописи аскольдовского периода и важные подробности, изъятые летописцами-«юрикистами» сознательно. Однако, увы, у нас имеются только подозрения.

Обратимся теперь к фактам и постараемся воспринять их в свете сказанного выше.

«В лето 6372. Убиен бысть от болгар Осколдов сын. Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще, яко “быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его”. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби новгородцев съветников его» (Никон. лет.).

Этого сообщения в Лаврентьевской летописи и т. д. нет.

Теперь спросим себя: можно ли допустить, что позднейший летописец выдумал известие о смерти сына Аскольда и внес его в летопись через 200–300 лет? Ведь этот сын Аскольда ни до, ни после не упоминается, и всё, что о нем мы узнаем, это то, что он был убит.

Выдумать для каких-то целей целый рассказ и внести его в летопись – это понятно, но насыщать летопись подробностями, подобными смерти сына Аскольда, – совершенно бессмысленно.

Однако такая мелкая деталь дает нам чрезвычайно много. Сколько можно судить, известие о смерти сына Аскольда является самым ранним, точно датированным известием русской летописи о русском событии. Оно является краеугольным пунктом нашей собственной хронологии. Только находка (совершенно невероятная) какого-то весьма древнего источника может изменить суть дела.

Год показан 6372-й, однако из позднейших записей той же летописи будет видно, что первые ее даты были даны в болгарском, а не византийском летоисчислении, иначе говоря, это был не 864-й, а 872 год нашей эры.

Таким образом, 872 год является первой достоверной датой истории Руси из русского источника.

Это сообщение: 1) касается чисто русского события и является не заимствованным, а оригинальным, все же предыдущие сообщения «Повести временных лет» основаны на чужеземных источниках, 2) хотя в записях предшествующих лет и имеются некоторые сведения о Руси, основанные на своих источниках, эти сведения либо не датированы, либо есть основания думать, что датированы наугад позднейшим летописцем, 3) из формулировки известия – «того же лета» явствует, что запись уже была сделана по известному шаблону и, вероятно, велась почти синхронно с событиями; это заметно и в последующих погодных записях – значит, настоящее погодное летописание существовало уже по крайней мере с 872 года, 4) летопись была южнорусской, киевской, «аскольдовской»: а) упомянуто событие (смерть сына Аскольда), важ-

ное для Киевской, а не Новгородской Руси; мы мало знаем об Аскольде вообще, а эта запись о его сыне является единственной; это деталь, могущая интересовать только киевлянина, в) приведены дословно слова новгородцев, оскорбленных Рюриком, а так как далее идет запись о бегстве новгородцев от Рюрика в Киев, то совершенно очевидно, что летописец просто записал слова новгородских беглецов; подобная запись вряд ли была возможна в Новгороде, как направленная безусловно против власти Рюрика (и недаром она была опущена в «Повести временных лет»).

Таким образом, заметим, кстати, первые политические беглецы, «невозвращенцы», были на Руси уже в 872 году.

Перейдем к рассмотрению сути записи. Оказывается, что у Аскольда был взрослый сын, ибо он мог быть убитым болгарами только во время войны, а не в младенческом возрасте. В каких отношениях были Аскольд и Дир, мы совершенно не знаем, но наличие у Аскольда взрослого сына, принимавшего участие в войне с болгарами, говорит за то, что династия Аскольда была по крайней мере в потенци.

Интересно также указание на болгар. Очевидно, это были волжские, а не дунайские болгары: за всё время писанной истории Русь воевала только с болгарами волжскими (Аскольд, Владимир, Всеволод Большое Гнездо), очевидно, были какие-то основания для недоразумений или соперничества. Что же касается болгар дунайских, то за всё время существования Русь с ними, как таковыми, не воевала. Более того (и это поразительный и необъяснимый факт), несмотря на единство веры, языка и несомненные культурные и торговые связи, политически Русь и Болгария были совершенно изолированы. Мы не знаем почему-то ни одного брака болгарского и русского княжеских домов, мы не знаем ни одного болгарина, игравшего видную роль в Киеве, и т. д.

Итак, Аскольд воевал с волжскими болгарами, из дальнейших записей видно, что воевал он и с другими своими соседями.

Переходя к событиям в Новгороде, следует отметить, что появление Рюрика у власти не было столь мирным, как это излагалось в русской официальной летописи и в курсах русской истории. В Новгороде Рюрик столкнулся с упорным сопротивлением, преодоление которого вызвало убийство одних новгородцев и бегство в Киев других (см. ниже).

О причине столь упорного сопротивления мы можем только догадываться: новгородцы во власти Рюрика увидели для себя рабство – очевидно, они столкнулись здесь с новым принципом управления, – не вече распоряжалось князем, а князь стал распоряжаться вечем.

Этот пункт записи также вскрывает до известной степени, почему в одних летописях Рюрик основывается в Новгороде, а согласно другим – в Ладоге. Можно с достаточной достоверностью предполагать, что оба эти сведения верны, произошла только некоторая путаница во времени.

Так как Ладога (весьма древний **русский** город) была основным пунктом для прибытия на Русь, то, естественно, Рюрик сначала сел в Ладоге, одного брата, именно Синеуса, послал на восток на Белоозеро, а другого, Трувора (или, по Никоновской летописи, Тривора), на запад, в Изборск. Таким образом, «Рюриковичи» захватили к себе в подчинение всю северную полосу Северной Руси в крайних ее точках.

В дальнейшем произошло продвижение их в глубь страны, т. е. расширение сферы влияния. В результате Рюрик (не без внутреннего сопротивления новгородцев) перенес столицу из Ладоги в Новгород и стал укреплять его. Его продолжатель Олег завершил объединение большей части Руси и перенес столицу ее еще далее на юг, в Киев. Пойдем, однако, дальше.

«В лето 6373 (т. е. 873. – С.Л.). Того же лета воеваша Аскольд и Дир полочан и много зла сътвориша» (Никон. летопись).

В этой формулировке чувствуется, как будто летописец не является киевлянином, а описывает события со стороны и как бы упрекает Аскольда за зло, причиненное полочанам.

Однако запись через год остается совершенно одинаковой по стилю и тону, поэтому можно предположить, что, говоря о зле, причиненном полочанам, летописец только хотел указать, что урон их был очень велик. Однако возможно и другое предположение: дошедшие до нас отрывки перво летописи не есть оригинальные речения, а только пересказ событий словами летописца-юриста. В этом случае обычное морализирование понятно. В дальнейших редакциях, однако, и эти отголоски перво летописи были устранены.

Итак, эти мелкие известия перво летописи (принимаются во внимание и все дальнейшие) дают нам основание передвинуть создание русской летописи по крайней мере с 1037 года (по Шахматову) на 872-й, т. е. на 165 лет вглубь!

Естественно, возникает вопрос: почему же «аскольдово» летописание было прервано и в послеаскольдовский период мы находим такую поразительную бедность «записей», их малую конкретность, порой неточность и даже апокрифичность и т. д.?

Причин, вероятно, было две: 1) замена династии Аскольда рюриковской и 2) реакция язычества, сведшая на нет первый период христианства на Руси.

В самом деле, кто мог быть летописцем в 872 году на Руси? Очевидно, не только вообще грамотный, но и образованный, человек, с соответствующим положением, дававшим ему возможность вести летопись. Это мог быть либо приближенный князя, близкий к тому, что называется веданием иностранных дел (а мы знаем, что Русь уже в 838 году заключала договор с греками), либо священник или епископ, о существовании которых в Киеве мы положительно знаем еще с 867 года из послания патриарха Фотия.

Не останавливаясь здесь подробно на вопросе о дорюриковском крещении Руси (этому будет посвящен особый очерк), мы можем отметить здесь, что христианство на Руси во времена Аскольда безусловно уже существовало. Таким образом, в 872 году имелись условия в Киеве для ведения летописи, по крайней мере христианские священники существовали, а сам Аскольд, повидимому, был крещен.

Совсем иное положение создалось с приходом династии Рюриковичей, которые все были язычниками. Даже княгиня Ольга, крестившаяся, держала у себя пресвитера (по-видимому, по имени Григорий), как мы находим в одной летописи, «втайне».

Первый период княжения Владимира был усилением языческой реакции (вспомните смерть христианина-варяга и его сына, воздвижение Владимиром кумиров). Только в самом конце X века, т. е. после 990 года, появились условия для продолжения летописания. Однако бедность, а часто и ошибочность сведений об Ольге и даже Владимире, показывает, что новое летописание началось после Владимира, при Ярославе Мудром. Только теперь из легенд, рассказов стариков, по отрывочным старым записям началось конструирование «Повести временных лет».

Однако полное использование перво летописи времен Аскольда было делом невозможным: летописец имел уже совершенно другой «социальный заказ».

Он не мог говорить о христианстве Руси в аскольдовские времена, ибо тем самым он сводил на нет всю заслугу Владимира, отца своего господина! Он умолчал и об антихристианской деятельности Рюриковичей, ибо это значило, что христианство уже было, а Рюриковичи были его гонителями и т. д.

Не имея возможности в условиях того времени совершенно замолчать существование Аскольда, летописец ограничился всего двумя сведениями о нем (оба отрицательного характера): 1) что поход Аскольда на Царьград был неудачен, 2) что он не был родовитым князем, а просто боярином-захватчиком, поплатившимся жизнью за узурпирование не ему принадлежащей власти.

Таким образом, смена династии в Киеве и упадок христианства прервали русское летописание по крайней мере на 100 лет, – отсюда бедность сведениями о начале Руси в летописях второго периода летописания. Последуем, однако, дальше, рассмотрим 874 год.

Может показаться странным, что русская перволетопись, записавшая точно и конкретно события двух предыдущих лет и последующего года, оказалась столь неточной, расплывчатой и фантастической в сообщении под этим годом.

Дело объясняется очень просто: в перволетописи не было записано ничего пространного, ибо и записывать было почти нечего, – буря разгромила флот руссов еще до Царьграда. Поэтому и греческие хроники времен Василия Македонца хранят об этом походе своего рода молчание. Очевидно, сообщение перволетописи было такого рода: «В лето 6374. Разметаша буря лоды Осколдовы и Дировы, идуче на Царьград». Южнорусский летописец-рюрикист, богомольный монах, заменил это краткое сообщение выпиской из греческой хроники, с полным описанием события и нравоучительным содержанием.

Однако, поскольку в греческой хронике продолжателя Георгия Амартола даты события и имен начальников руссов вовсе не было, он заимствовал эти данные из аскольдовской перволетописи, целиком исчерпав ее содержание и растворив ее в жиденькой воде типичного греческого религиозного красноречия.

Нужно, однако, добавить в его оправдание, что он имел все основания поверить греческой версии, которая была смешением религиозной легенды с историческими событиями (частично 626 года, частично 860-го, а также 874-го).

Летописец-рюрикист, прочитавши в греческой хронике недатированное известие о разгроме русского флота бурей в походе на Царьград и сравнивши его с датированным известием русской перволетописи о таком же разгроме руссов в походе на Царьград, счел оба события за одно и внес в выписку из греческой хроники подробности из русской перволетописи. Так произошла ошибка, которая не была разгадана до последнего времени.

Так как дата события, т. е. 6374 год, была дана перволетописью по болгарскому исчислению, то все наши историки, применяя византийское летоисчисление, давали ошибочную дату похода, именно 866 год. На самом деле было два похода руссов: 1) удачный поход 860 года, описанный Фотием и упоминаемый западноевропейскими хрониками, руководитель которого неизвестен (что это был Аскольд, возможность не исключена), 2) неудачный поход 874 года под руководством Аскольда и Дира.

Следует отметить, что какой-то русский источник знал о двух походах Руси на Царьград, это видно из того, что в Воронцовском списке Новгородской летописи мы находим: «При сем же цари **паки** приидоша Русь на Царьград». Значит, какой-то поход был и до «паки».

Итак, оригинальная запись перволетописи о походе руссов в 874 году на Царьград до нас не дошла, она поглощена греческой ошибочной версией этого события, но сохранена в дате и именах главарей похода.

«В лето 6385 (т. е. в 875 году. – С. Л.). Възвратишася Асколд и Дир от Царьграда в мале дружине, и бысть в Киеве плач велий (это известие имеется в Никоновской Воскресенской, Тверской и Софиевской I летописях. – С. Л.). Того же лета бысть в Киеве глад велий. Того же лета избиша множество печенег Осколд и Дир (у Татищева, пользовавшегося и не дошедшими летописями, добавлено: «Ходи же и на кривичи и тех победи». – С. Л.). Того же лета избежаша от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородцких мужей».

Здесь ясно чувствуется летописец-киевлянин, пишущий о местном голоде, об успехах и неудачах местного князя, о беженцах из Новгорода. Всего этого позднейший летописец, хоть и киевлянин, но уже «рюрикист», естественно, в свою «Повесть временных лет» не внес, ибо это ломало весь хребет истории Руси, как он ее себе представлял.

Из этих мелких дополнений бесспорно вытекает, что Киевская Русь времен Аскольда была совершенно самостоятельным (и, должно быть, достаточно сильным) государством, воевавшим под водительством Аскольда с Византией, волжскими болгарями, печенегами, половчанами и кривичами. Уже объем географии соседей показывает, что это не была только Киевщина, а вся Южная и отчасти Средняя Русь. То обстоятельство, что новгородцы убегали в Киев

из Новгорода, показывает, что Киев был независим от Новгорода, власть Рюрика на Киев не распространялась. Вместе с тем Киев не представлял собой для новгородца что-то совершенно «заграничное». Следует отметить также, что печенеги отмечены уже для 875 года.

Интересно отметить отношение историков-специалистов к упомянутым и подобным дополнительным известиям: они не подвергают сомнению их, они только отзываются стереотипной фразой: «Происхождение этого известия Никоновской летописи неизвестно».

Приходится удивляться: неужели наши специалисты по исследованию летописей не имеют даже предположения в этом отношении? Они настолько одурманены скрупулезнейшими «исследованиями» «Повести временных лет», что свидетельства Никоновской летописи повергают их в состояние героев «Ревизора» при появлении жандарма в последнем акте, – они безгласны. Нагородить целую кучу объяснений о «Начальных сводах», о «Сказаниях о распространении на Руси христианства» и т. д., на это у них есть время и место, но высказать хотя бы гипотезу о происхождении приведенных нами выше сведений в Никоновской летописи у них нет никаких данных! А ведь дело идет не о мелких фактах, а о самом костяке русского летописания.

Здесь ложный метод гуманитаристов проявляет себя в наибольшей наглядности и «блеске».

Подведем итоги. Если мы примем во внимание предыдущий наш очерк – «Как создавалась русская летопись» – и данный, можно прийти к следующим заключениям:

1) Русская первичная летопись («перволетопись») началась еще в аскольдовские времена; во всяком случае под 872-м и несколькими последующими годами мы находим типичную точную запись русской летописи, а сообщенные подробности не вызывают сомнения в их аутентичности.

2) Это летописание было недолгим, но было настоящим летописанием, т. е. точным и регулярным; началось оно, вероятно, с началом христианства на Руси, т. е. еще до Владимира, а закончилось с падением аскольдовской династии и реакцией язычества, иначе говоря, с приходом Рюриковичей.

3) От этого летописания остались только ничтожные, второстепенные отрывки, сохранные только в некоторых летописях, в частности в Никоновской. Ядро же этого летописания поглощено впоследствии летописью «рюрикистов», взявших из него то, что подходило к их политическим воззрениям, а остальное изменив, заменив или выбросив. Эти истинные сведения о начале Руси, по-видимому, погибли навсегда.

4) С наступлением реакции язычества перволетописание было прервано по крайней мере на 100 лет, поэтому-то начальный период «рюриковской» истории и так поразительно беден многими, казалось бы, долженствующими быть сведениями (возьмем, например, эпоху Владимира Великого).

5) Никоновская и другие подобные летописи, приняв за свою основу «Повесть временных лет», ибо это была первая цельная **история** Руси (а не просто летопись), будучи по типу своему наиболее полными, так сказать, учеными, а не учебными, воспользовались дополнительными сведениями, намеренно опущенными составителем «Повести временных лет», в том числе и перволетописью Аскольда.

6) Летопись Рюриковичей создавалась сравнительно поздно, как настоящая летопись, а не как расширенное «Сказание о распространении на Руси христианства» (как это полагает Д. С. Лихачев).

7) В летописи «рюрикистов» никакого «Начального свода» не было. «Повесть временных лет» была первым действительно начальным сводом рюрикистов. Хотя аскольдовское летописание и было использовано «Повестью», его нельзя считать начальным сводом, легшим в основу **нового, т. е.** «рюрикского» летописания, ибо самый стержень летописи был в «Пове-

сти» коренным образом изменен: факты не столько фиксировались, сколько оценивались, а самая оценка определяла, брать или не брать существовавшие исторические факты.

Кроме аскольдовской летописи в основу в части фактов легла также какая-то послеаскольдовская запись, носившая такой же характер, что и аскольдовская.

Используя эти два источника, отдельные записи времен Рюриковичей, государственные документы, народные предания, изустные сведения, летописец-рюрикист создал пестрое по происхождению фактов, но стройное по мировоззрению здание русской истории. К сожалению, эта история во многих отношениях расходится с действительной историей, и мы теперь вынуждены кропотливо выискивать крупинцы истины из груд довольно пристрастно либо одно-сторонне оцененных фактов.

3. О крещении князя Аскольда

Легенда о крещении князя Аскольда и о чуде с несгоревшим Евангелием, как известно, вовсе отсутствует в большинстве главнейших летописей (Лаврентьевской, Ипатьевской и других), но имеется в Никоновской и некоторых иных.

Так как Никоновская летопись является летописью сравнительно поздней (XVI в.), то в этой легенде видели позднейшую вставку и не придавали ей никакого особенного значения.

Изучение нами Никоновской летописи показало, что она включает в себе ценнейшие сведения, пропущенные в Лаврентьевской, Ипатьевской, Троицкой и других летописях, которые были главным объектом изучения историков.

Сосредоточив свое внимание почему-то на указанных выше летописях, историки изучали генезис этих летописей, оставив в стороне Никоновскую, Воскресенскую, Тверскую. Это было крупной ошибкой, ибо генезис летописей может быть понят только при изучении всего их комплекса.

В этом пренебрежении к Никоновской летописи сыграло роль, вероятно, ее позднее написание, а между тем это вовсе не доказывает, что материал ее первых страниц так же молод, как она сама.

Никоновская летопись, судя по ее полноте, использовала не только Лаврентьевскую, но и другие источники, более полные, чем последняя. Приходится удивляться, что такие исследователи, как Шахматов, оставили в стороне вопрос о том, откуда взялись в Никоновской летописи подробности, совершенно конкретные, но отсутствующие в летописях типа Лаврентьевской. Если бы это было сделано, то выводы этих исследователей, безусловно, резко отличались бы от ими полученных.

Мы уже указывали в одном из очерков, что русское летописание на самом деле гораздо древнее, чем предполагают Шахматов и другие, и что самое летописание имело, очевидно, два этапа: «аскольдовский» и «рюриковский», как мы их назвали.

Здесь мы займемся рассмотрением вопроса: попала ли легенда о крещении Аскольда в Никоновскую летопись в «аскольдовский» период летописания или значительно позже, и кроме того: почему в Никоновской летописи нашла себе место легенда, а не конкретная историческая запись.

Мы уже отмечали в другом очерке, что запись легенды в Никоновской летописи носит явно заимствованный из какого-то греческого источника характер: ни стиль отрывка, ни его содержание вовсе не соответствуют таковым в обычных записях Никоновской летописи.

Трудно, конечно, доказать, откуда Никоновская летопись списала легенду о крещении Аскольда, однако греческое его происхождение несомненно. Так как, сколько нам известно, вопрос этот в нашей литературе не обсуждался, мы считаем необходимым поставить его и привести прежде всего другой, более обширный иностранный вариант легенды о крещении руссов.

Ниже мы приводим латинский перевод с греческого Ансельма Бандуры, 1729, опубликованный им в его комментариях к сочинениям Константина Багрянородного. В указанном комментарии дан греческий текст и его латинский перевод.

К сожалению, мы не имеем возможности привести и полный перевод на русский язык, мы ограничимся только самым кратким изложением содержания, чтобы читатель, не знающий латыни, всё же знал, о чем идет речь¹.

¹ Учитывая важность этого источника, мы воспроизводим в приложении к данному тому его полный комментированный перевод с греческого оригинала. Нижеследующая краткая латинская справка о Крещении южных славян, предваряющая текст оригинала, переводится здесь же, в подстраничном варианте. – *Примеч. ред.*

Переводу Бандуры предпосланы следующие строки введения: «*Chrobati ac Serbii, uti supra ad caput XXX. adnotavimus, fidem Christi susceperunt Heracleo Juniore imperante; Pagani vero sive Arentani baptizati fuere sub Basilio Macedone, ut idem Porphyrogenitus scribit supra cap. XXIX. quemadmodum etiam plures alii ex Slavis, qui Dalmatiam incolebant, ut ipse tradit eodem loco, & in Vita Basilii num. LIV. ex editione Regia.*

Quod quidem congruit cum Platina, qui Adriani secundi Pontificis, & Suetopoli principis Dalmatiae Sclavos Christi fidem suscepisse ait in vita Johannis XIII. quem pro XIV. ponit.

Haec autem Platinam ex Blondo, Blondum vero ex Chronico MS Andreae Danduli exscripsisse ajunt, ubi sic legitur: Hujus autem B. Cyrilli praedicatione Suetopolis Rex Dalmatiae, qui ab Odrillo germano Totilae Regis Gothorum originem duxerat, cum toto suo populo fidem Catholicam suscepit.

Verum Dandulus haec sub Michaele contigisse scribit, Platina vero sub Basilio Macedone. Neque soli Arentani ac nonnulli alii ex Slavis Dalmatiae accolis sub Basilio Macedone baptismum susceperunt; verum & Bulgaros ad meliorem frugem revocavit idem Imperator, Russisque persuasit, ut sacrum Baptisma susciperent, quemadmodum narrat laudatus Porphyrogenitus in avi Vita num. XCV & XLVI.

De Russorum autem ad fidem Christi conversione libet hic proferre historiam, quae a principio mutila est, quam quidem reperi in Codice MS Colbertino recenti manu conscripto n. 4432 & Latinum fecimus. Sic igitur habet»².

Итак, греческая рукопись, которую Бандура ниже переводит на латинский язык, точно не датирована, имеет поврежденное начало и принадлежит неизвестному автору. Для наших целей это, впрочем, не имеет особенного значения, ибо из текста явствует, что события записаны современником их, во времена Василия Македонца.

«...Et quae ad religionem eorum pertinent accurate ediscerent. Illi vero sciscitandi studio cupidi, Roman se conferunt: isticque omnia perscrutantur & exquirunt, ac curiosissime dispiciunt cum sanctorum templorum decorem, tum sacerdotum & pontificum ordinem. Imo etiam Patriarcham eorum, quem papam vocant invisunt; a quo verbis & doctrina ad utilitatem suam spectante instituti, revertuntur ac regionem suam repetunt, hinc sese magno Regi sistunt; ipsique omnia quae viderant & audierant sedulo recensent.

Adfirmabant porro, magna illa & verissima existere, nec ulteriori perquisitione & perscrutatione opus esse. Quod si velis, inquirunt, illustrissime & gloriosissime Domine princepsque noster, ipsorum fidem ampleati, id ipsius significato, atque eorum mysteriis rite initiare. Quibus auditis proceres qui cum rege erant, maximeque ii, qui ipsi talis propositi auctores fuerant, rursus ipsum ita compellant.

Non videtur nobis id agentum esse, nisi prius iidem ipsi Constantinopolitanos ritus explorent & ediscant. Fama quippe est eam urbem magnam, imo praestantiorē esse. Demumque e re fuerit,

² «Хорваты и сербы, как мы отмечали выше, в главе 30-й, веру Христову приняли в правление Ираклия Младшего; язычники же, или Аrentаны, крещены были при Василии Македоняnine, как об этом и Багрянородный пишет выше, в главе 29; точно так же и другие из славян, Далмацию населявшие, как он пишет в том же месте, и в жизнеописании Василия, раздел 54 в королевском издании. Это согласуется и с тем, что говорит Бартоломеус Платина в жизнеописании Иоанна 13-го, коего он перед 14-м помещает: о том, что при понтифике Адриане Втором и князе Далмации Светополисе приняли славяне веру Христову. Говорят также, что Платина у Флавио Блондо, а Блондо – из манускрипта Андреа Дандоло переписал это, где сказано так: “По предсказанию же этого блаженного Кирилла, Светополис, король Далмации, который от Одрилла, готского короля, вел род свой, принял веру Католическую вместе со всем народом своим”. Однако Дандоло это писал в правление Михаила, Платина же – при Василии Македоняnine. И не только Аrentаны, но и некоторые другие из славянских обитателей Далмации при Василии Македоняnine приняли Крещение; ведь и Болгар к вящей их пользе призвал этот же император, и Руссов убедил, дабы приняли они святое Крещение; об этом же повествует прославленный Багрянородный в жизнеописании предка своего (Василия Македонянина), разделы 95 и 96. Историю же обращения Руссов в веру Христову желательно здесь воспроизвести, каковой истории начало (в манускрипте) испорчено; нашел же я ее в Кольбертинском рукописном кодексе, современным почерком написанном, номер 4432, и латинский перевод мы сделали. Итак, там сказано...» Здесь упоминаются несколько итальянских историков эпохи Ренессанса, писавших о Крещении южных славян. Светополис – это король Сватоплук (правил ок. 870–894). Аrentаны: считается, что это именование связано с римским названием местности под названием Аrentа, где жили славяне-язычники, отсюда их уподобление в приведенной цитате. Разбиение на абзацы в оригинале отсутствует. – *Примеч. ред.*

ut iidem hujus quoque religionem & cultum examinent ac experiantur: & sic postea ex his duabus meliorem deligemus».

Посещение руссами Рима с целью испытания веры нам интересно только с той точки зрения, что это был обдуманый шаг, и что после отчета послов было решено посмотреть и веру Царьграда, а потом уже выбирать из двух вер лучшую.

«Tum Rex ille prudens & conspicuus hoc consilium admisit & amplexas est. Quamobrem quatuor illos saepe memoratos viros, Constantinopolim mittit, ut omnia quae ad religionem spectabant explorarent ac experientur. In hanc vero illi urbem nec sine magno labore concedunt, atque Basilio Macedoni, tunc Romanorum scepra moderanti se sistunt, ipsisque tanti suscepti itineris causam renunciant.

Is vero ingenti gaudio hos excipiens, mox viros illos eruditos & praeclares adjungit, qui omnia in urbe pulcherrima monstrarent, quique rogata eorum recte intelligere possent, iisque satisfacere. Hi autem cum multa ipsis in urbe spectaculo digna ostendissent, in celebratissimum illum magnumque sanctae Sophiae templum cum ipsis ingressi sunt.

Atque ut vulgo fertur, tum magna solennitas celebratur, sive S. Chrysostomi, sive Dormitionis sanctissimae Matris Domini mei; id vero non certo dicere valeo; verum tamen est tunc fuisse mirabilem magnamque celebritatem.

Quatuor porro viri qui cum proceribus nostris erant, totum templum circumspexerunt, necnon quae ad celebritatem spectabant: luminaque cernantes, ac canticorum melodiam audientes, stupebant attoniti.

Cum istic autem vespertini & matutini hymni tempore venissent, multaque dixissent audivissentque, accedit sacre et divinae liturgiae tempus: rursusque laudati viri cum proceribus illis ab Imperatore missis in venerandum & maximum Templum ingredientur, ut incruenti & divini mysterii spectatores essent. Huc deducto sermone, Dei erga homines amorem, qui vult omnes salvos fieri & ad cognitionem veritatis venire, stupens considero.

Nam cum Ethnici & barbari illi in termaximum, ut diximus, templum intrassent; stantesque omnia quae ibi tum gerebantur considerarent, curioseque sciscitarentur, cur primum quem parvum vocant, ingressus, deinde vero magnus fieret, quare Subdiaconi & Diaconi ex sacro bemate, cum lucernis & flabellis egredierentur, imo etiam sacerdotes & pontifices, pro assueto more cum tremendis ac divinis mysteriis, necnon Patriarcha qui tunc sedem obtinebat: ac turba in pavimento procideret, preces effunderet clamaretque, Domine miserere.

Illi vero quatuor gentiles soli, intentis oculis sine reverentia haec respiciebant: omnesque sacros ritus considerabant. Ouare misericors ille & miserator Deus noster, iisdem viris oculos aperuit, ut quaedam & mirabilia viderent, at postea sciscitantes, rei veritatem ediscerent. Absoluto quippe divino illo & magno ingressu, cum signo vocati omnes surrexissent: quamprimum viri illi qui stupendam visionem conspexerant imperatoris proceres secum adstantes, manibus arreptos sic alloquuntur: Tremenda & magna esse quae hactenus videramus non diifitemur: quod autem nunc vidimus humanam naturam exsuperat: juvenes quippe quosdam conspeximus alatos, specioso nec assueto amictu, qui pavimentum minime contingebant, sed per aera ferebantur psallentes, Sanctus, Sanctus, Sanctus.

Quod sane nos omnes plus quam caetera in stuporem magnamque admirationem conjecit. Quibus auditis Imperatoris proceres ita respondent: Et fortasse omnia Christianorum mysteria ignorantes, nescitis ipsos Angelos de coelo descendere, & cum Sacerdotibus nostris ministerium obire.

Tum illi, Verissimum sane & manifestum est quod vos dictis; nec alio argumento opus habet: omnia quippe ipsis oculis vidimus. Demum nos remittite ut eo redeamus unde legati fuimus, quo principem nostrum de iis quae vidimus & probe didicimus, certiore faciamus. Quos illi tunc cum gaudio & laetitia magna dimiserunt».

Из этого подробного описания посещения четырьмя руссами храма Святой Софии видно, что описывал человек, бывший при этом, слышавший речи обеих сторон и видевший впечатление, производимое на руссов торжественным богослужением.

«Reversi autem iili in regionem suam, clarissimo & magno Regi se sistentes, post solitum exhibitum obsequium, omnia quae viderant & audierant ipsi renuntiarunt, talia loquentes: Magna & splendida quaedam nos Romae nuper vidisse non negamus: at quae Constantinopoli visa nobis sunt, humanam omnem mentem obstupefaciunt; quae illi minutatim recensuerunt».

Таким образом, послы доложили князю руссов, что виденное ими в Царьграде далеко превосходит то, что они видели в Риме.

«Magnus vero princeps rei veritatem ab ipsis edoctus, de eaque certior factus, nulla imposita mora, Constantinopolim ad piissimum Imperatorem legatos mittit, qui Episcopum peterent, ut innumeram ibi populi multitudinem doctrina imbueret & baptizaret».

Князь руссов снова послал послов, которые просили у императора послать им епископа для крещения народа.

«Tunc porro Basilius Macedo Romanorum scepra moderabatur; qui exceptis cum gaudio magno hujusmodi legatis, Episcopum eo misit pietate & virtute clarum, cum comitibus duobus, Cyrillo & Athanasio: qui & ipsi virtute, eruditione & prudentia ornatissimi erant: neque solum divinae Scripturae notitia repleti; sed etiam in humanioribus literis probe exercitati, ut eorum scripta testificarunt».

Император Василий Македонец послал руссам епископа, а вместе с ним двух ученых мужей: Кирилла и Афанасия (Кирилла и Мефодия. – С. Л.). Таким образом, согласно греческой рукописи, переведенной Бандурой на латынь, крещение Руси произошло одновременно с посылкой Василием Македонцем ученой миссии для организации просвещения.

Указание на царствование Василия Македонца, а также другие данные, указывают, что в рассказанной истории речь шла не о киевских руссах, а о западных славянах, в частности мораванах. С Аскольдом этот рассказ не имеет ничего общего.

Каким же образом эта история и связанная с ней легенда о несгоревшем Евангелии (см. ниже) попали в Никоновскую летопись?

Мы уже видели, что во времена Аскольда уже существовала погодная летописная запись, отмечавшая всё, что случилось достойного внимания. Естественно, что крещение Аскольда, представлявшее собой крупное событие, не могло не быть записанным летописью, отмечавшей даже сильные дожди. Вся изложенная история (с легендой), очевидно, внесена в Никоновскую летопись гораздо (столетиями) позже. Это, по-видимому, случилось так.

Позднейший летописец имел перед собой костяк Никоновской летописи, а кроме того другие источники, среди последних была и легенда о крещении «руссов». Так как время было указано (царствование Василия Македонца) и этому соответствовало по времени княжение Аскольда в Киеве и речь шла о «руссах», то летописец вставил легенду в летопись, прибавив имя князя Руси, которое в греческой рукописи отсутствовало. Таким образом, появление в Никоновской летописи легенды оправдывается со всех сторон, то же, в сущности, сделал бы и современный историк.

Вывод следующий: крещение Аскольда (по крайней мере этим документом) не доказано. То, что в дальнейшем его называли «блаженным» и т. д., является, очевидно, результатом использования летописей типа Никоновской. Равным образом недоказательной является и религиозная традиция в Киеве, совершавшая в определенный день ежегодно специальное молебствие, связанное с Аскольдом, – эта традиция создалась только во второй половине минувшего столетия и является относительным новшеством, совершенно неизвестным Древней Руси.

В связи с этим все измышления Таубе, что Аскольд имел христианское имя Николай, что он был католиком и т. д., – сплошная, ничем не доказанная выдумка.

Интересно отметить, что приведенная история об искании руссами веры нашла, по-видимому, частичное отражение и в «Повести временных лет», именно в рассказе о посылке Владимиром 10 послов в Царьград для испытания веры; впрочем, это установить трудно, ибо одинаковые причины могли породить и весьма похожие следствия.

Перейдем теперь ко второй стороне вопроса: как могло случиться, что Кирилла и Мефодия сочли проповедовавшими не мораванам, а руссам?

Дело объясняется очень просто: мы уже указывали, что древние руссы называли себя в официальных документах «русинами». Русинами до сих пор называют себя жители Прикарпаття. «Русин» было имя юго-западных славян, на Днепр и Волхов оно пришло уже позже. Русинами (rutheni) называли напавших на древнюю Юваву (ныне Зальцбург) в 477 году и относившихся, конечно, не к восточным славянам. Поэтому в истории о крещении, а затем и просвещении их Кириллом и Мефодием, они и названы «русами».

Что это были юго-западные руссы, видно из того, что они в поисках новой веры сначала посетили Рим (это был ближайший город – столица христиан), а затем уже Царьград. Если бы речь шла о Киевской Руси, то последовательность посещения была бы обратной.

Русский летописец, редактировавший летопись типа Никоновской, встретив в древнегреческой рукописи историю о крещении руссов, принял ее за относящуюся к Киевской Руси. Таким образом и совершилось «крещение» Аскольда. Поэтому при современном состоянии наших знаний правильнее будет отрицать то, что Аскольд был крещен.

Приведем, однако, конец греческой рукописи, ибо она касается вопроса о славянской азбуке, к которому нам еще придется вернуться в одном из ближайших очерков.

«Eo profecti illi, omnes edocuerunt & baptizarunt; & Christianae pietatis rudimentis instituerunt.

Cum autem gentem eam omnino barbaram & rudem cernerent; ac nullo modo prossent doctissimi viri viginti quatuor Graecorum literas ipsos edocere: ne rursus a pia religione deflecterent, triginta quinque literas ab se inventas & exaratos iisdem tradiderunt, quarum nomina haec sunt: As, Mpuçi (в греческом тексте – «мпуки», а не «мпуци») Betd, Glaod, Dopro, Geesti, Zibit, Zelo, Zeplea, I, Sei, Caco, Ludia, Mi, Nas, On, Pokoi, Ritzii, Sthlobo, Nteberdo, Ic, Pherot, Cher, Ot, Tzi, Tzerbi, Saa, Sibia, Geor, Geri, Ger, Geat, Giu, Geus, Gea.

Haec sunt triginta quinque Russorum literae quas hactenus omnes ediscunt, atque rectam piae religionis notitiam obtinent».

После указания на изобретение славянской азбуки повествование переходит уже к собственно легенде о несгоревшем Евангелии и крещении Руси.

«Narrant autem quidam miraculum hujusmodi istis in partibus contigisse. Cum enim princeps ille, optimatesque, imo tota eorum natio, pristina adhuc superstitione teneretur: ac nuper invectum cultum, Christianorumque – fidem considerarent, Episcopum qui non diu advenerat evocant: quem princeps ille interrogavit, quid contra religionem suam dicendum haberet, & quaenam ipse docturus esset.

Illo autem sacrum divini Evangelii librum protendente, narranteque miracula quaedam, a Deo in human adventusuo patrata: Nisi quid simile, inquit Russorum turba, nos quoque videamus; maxime vero quale narras in camino trium puerorum factum esse, nullo modo iis quae dicturus es credemus. Ille vero fidem habens huic verissimo dicto: Quodcumque petieritis in nomine meo, accipietis; & Qui credit in me, opera quae ego facio, & ipse faciet, imo majora eorum faciet; respondis illis: Etsi non liceat tentare Dominum Deum, attamen si ex animo ad Deum accedere decrevistis, petite quidquid volueritis: idque Deus petitione vestrae obtemperans exequetur, etiamsi nos quam minimi & indigni simus.

Illi verum statim petierunt ut liber Evangeliorum in rogam ab se accensum mitteretur, & sic hic ilaesus servaretur, se ad Dei, quem praedicabant, cultum accessuros. Accepta conditio fuit. Sacerdoteque ad Deum oculos & manus erigente, ac dicente, Spiritum sanctum tuum glorifica Jesu Christe Deus noster: in conspectu totius gentis liber S. Evangelii in caminum conjectus est. Cumque horis non paucis arsisset caminus, hinc igne penitus extincto, sanctus ille liber illaesus integerque repertus est,

nulla ignis nota vel damno remanente. Quod conspicati barbari, ac magnitudine miraculi percussi, sine mora vel dubitatione ad sanctum baptismum sponte accesserunt, ac mente purgati Salvatorem Dominum laudibus celebrarunt: cui gloria & imperium nunc & semper & in secula seculorum, Amen».

В Никоновской летописи мы находим следующий, по-видимому, отсюда почерпнутый, рассказ.

«В лето 6384 (т. е. 884). О князи рустем Осколде. Роди же нарицаемии Руси, иже и кумани, живяху в Ексинопонте, и начата пленовати страну римлянскую, и хотяху пойти и в Константинград; но възбрани им вышний промысел, паче же и приключися им гнев божий, и тогда възвратишася тщи Князи их Асколд и Дир. Василие же, много воинствова на агаряны и манихеи. Сътвори же и мирное устроение с прежереченными русы, и преложи сих на христианство, и обещаващеся креститися, и просиша архиерея, и посла к ним царь. И внегда хотяху креститися, и паки уныша, и реша ко архиерею: “Аще не видим знамение чюдно от тебе, не хошем быти христиане”; архиерей же рече: “Просите еже хошете”. Они же реша: “Хошем, да ввержеши святое евангелие во огонь, иже учит Христова словеса; да аще не згорит, будем христиане, и елика научиши нас, сохраним сиа и не преступим”. И рече архиерей: «Елико просите, будет вам», Повеле и сотвориша огонь велий, и въздев руце свою на небо архиерей и рече: “Христе боже, прослави имя свое!” и постави святое евангелие во огонь, и пребысть много время в нем, и не прикоснуса его огонь. Сие видевше Руси удивишася, чюдящеся силе Христове, и вси крестишася».

Сравнение этого рассказа с греческим (латинским) показывает, что летописец Никоновской летописи безусловно знал греческий рассказ и воспользовался им.

Есть, однако, интересная деталь: летописец, повторяя о неудаче похода Аскольда и Диры на Царьград (в 874 г.), относит крещение Аскольда и Руси не к 874 году, а к 884-му. Он не связывает причинно поход и крещение, а разделяет оба события десятилетним промежутком. Кроме того, в самом тексте после указания о неудачном походе руссов идет фраза, что император Василий много воевал с «агаряны и манихеи», т. е. с арабами и болгарами, а затем уже речь идет о заключении мира с руссами и об их крещении. К сообщениям по поводу этого события византийских источников мы надеемся еще возвратиться, теперь же отметим следующее: 1) когда бы ни проникло в русскую летопись сообщение о крещении Аскольда, – основано оно не на русском, а на греческом источнике, 2) никаких русских данных о крещении Аскольда нет, хотя летописание в это время уже велось, 3) приведенная нами греческая история крещения руссов показывает, что речь шла не о киевских руссах, а относилась к юго-западным славянам, в частности к морavam, 4) русский летописец внес историю крещения Руси при Аскольде, ошибочно приняв, что речь идет в греческой рукописи о киевских руссах, имя же Аскольда он добавил сам, основываясь на том, что Аскольд был современником Василия Македонца, упомянутого в рукописи, 5) на основании изложенных данных следует принять, что известие о крещении Руси при Аскольде основано на недоразумении.

4. Древнейшее точное сообщение о руссах (Плита об Одоакре)

Мы уже указывали на необходимость коренного пересмотра всего классического наследия греков и римлян с новой точки зрения, а также на возможность открытия совершенно новых исторических источников.

В этом отношении большого внимания заслуживает крошечная, но весьма дельно написанная брошюра зальцбургского патера Ансельма Эбнера (*P. Anselm Ebner. Die Katakomben zu St. Peter in Salzburg mit 4 Abbildungen. 1—31. Im Verlag der kath. Vereinsbuchhandlung zu Salzburg. Zaunrith'sche Buchdruckerei.* Год издания не указан. В тексте упоминаются, однако, раскопки 1897 года, с другой стороны, мы находим в литературе, Янушевский, 1934, упоминание об этой брошюре).

Из нее мы узнаем, что в Штирии, в городе Зальцбурге (в древности Juvavum), в катакомбах при церкви Святого Петра хранится мраморная плита, поставленная около пребывающих здесь останков святого Максима и его 50 учеников, погибших мученической смертью. Надпись на плите гласит: «*Anno Domini CCCCLXXVII Odoacer Rex Rhutenorum Geppidi Gothi Ungari Et Heruli contra Ecclesiam Dei Sevientes Beatum Maxidu(m) Cum Sociis Suis Quinquaginta in Hoc Speleo latitantibus ob Confessionem Fidei Trucidatos Precipitarunt Noricorum Quoque Provinciam Ferre Et Igne Demoliti Sunt.*»

В переводе это будет: «Лета Господня 477 князь рутенов (русинов) Одоакр, Геппиды, Готы, Унгары (Венгры) и Герулы, свирепствуя против Церкви Божией, блаженного Максима с его 50 товарищами, спасавшихся в этой пещере, из-за исповедания веры, сбросили со скалы, а провинцию Нориков опустошили мечом и огнем».

Таким образом, перед нами материальное доказательство существования «русинов» уже в 477 году в районе Зальцбурга.

Сознавая всю важность этого известия, мы предприняли шаги, чтобы удостовериться в существовании этой плиты. Уважаемый патер Edmund Neisse при аббатстве Святого Петра в Зальцбурге в письме своем от 28 февраля 1954 года сообщил нам, что вышеупомянутая плита действительно находится при катакомбах, а также любезно сообщил нам, что в книжке Dr. Franz Martin'a под заглавием «*Stift St. Peter in Salzburg*» (издана в серии «*Österreichische Kunstbücher, Band, 55*» в 1927 году, стр. 1—42) имеются некоторые дополнительные сведения о катакомбах.

Чтение брошюры Ансельма Эбнера убедило нас, что это вовсе не агиографическая брошюра, как думал Янушевский, а небольшой исторический обзор катакомб, очевидно, предназначенный для ознакомления посетителей их. Только на стр. 19–20 имеется передача религиозной легенды о святом Северине, современнике святого Максима, остальной текст посвящен описанию катакомб и чистой истории их, причем, где необходимо, даются латинские цитаты и указываются источники.

Плита с надписью об Одоакре, вожде русинов, находящаяся в катакомбах при церкви Святого Петра в Зальцбурге, Австрия

Просмотрим бегло содержание брошюры. Основателем города Ювавы (Juvavum) считается император Клавдий (41–54 гг. н. э.). Плиний сообщает: «Ближайшие соседи рэтов – норрики, их города следующие: Virunum (ныне Zollfeld), Celeia (ныне Cilli), Teurnia (ныне св. Петер (im Holz), Aguntum (ныне Innichen), Juvavum (ныне Salzburg)».

На Певтингеровой таблице (мировая карта Castorius'a от 466/67) Ювава изображена с храмом, очевидно, Юпитера. Самое имя города ставится в связь с ним: Juvavum, Jovavum, Joviasum, Jorria и т. д. в различных транскрипциях поздних писателей, изображена также река «Juvarus» (что, возможно, лучше объясняет происхождение города, ибо города всегда назывались по рекам, а не наоборот).

Что касается катакомб, то известный исследователь римских катакомб Joh. B. de Rossi³ считает, что они относятся к III, если даже не к концу II века.

Далее речь идет о появлении в Паннонии и Норике приблизительно в эпоху 453–482 гг. святого Северина, который с проповедью христианского учения посетил Юваву (ныне Зальцбург) и Cuculle (ныне Kuchel), из последнего города происходил Марциан, ученик святого Северина. Около 482 г. святой Северин скончался в своем монастыре Fabianae (ныне Sievering около Вены). Тело его было затем перенесено в Puteoli в Италию, где пребывало некоторое время, пока знатная женщина, некая Barbaria, не воздвигнула для него мавзолей и монастырь в Castellum Lucullanum между Puteoli и Неаполем. Здесь в монастыре управлял приблизительно с 482–500 гг. некий Lucillus, затем упомянутый уже ученик Северина Marcianus и, наконец, с

³ Джованни Бернардо де Росси (Giovanni Bernardo De Rossi, 1742–1831) – итальянский гебраист, исследователь истории раннего христианства. – *Примеч. ред.*

509 или 510 г. Eugippius⁴, бывший постоянным спутником и свидетелем деятельности святого Северина.

Eugippius оставил нам полное жизнеописание святого Северина (*Eugippius. Vita St. Severini*). Таким образом, в противоположность многим агиографиям жизнь святого Северина была описана его учеником и помощником, что в значительной степени делает более вероятным сообщаемое, чем когда жизнеописание кого-нибудь пишется через несколько столетий.

Распадение римской империи было заметно уже к концу IV века. В V веке, как пишет Eugippius, варвары были настолько сильны, что ни Ювава, ни Кукуллы не были обеспечены от их нападений.

В придунайской части Норика были бойи, кельтское племя, которые проникли сюда и заняли бывшую римскую провинцию до Альп. Историк Orosius сообщает, что позже их называли *Vaiogarii*, они были прежде хозяевами этой страны, но римляне их оттуда прогнали, теперь всё вернулось *status quo*. Это было воинственное земледельческое племя. Наконец, вождь герулов Одоакр при своем походе на Италию опустошил Норик еще больше.

Eugippius сообщает, что святой Северин послал некоего *Moderatus'a*, певчего в церкви в *Vojudurum*, т. е. селе при крепости *Batava Castra*, т. е. Пассау ныне, в Юваву предупредить о приближающейся опасности. Жители Ювавы не поверили, тогда был послан некий *Quintasius*, который особо просил святого Максима во что бы то ни стало оставить Юваву. Его известие не произвело нужного действия, и в ту же ночь герулы незаметно проникли в город, опустошили его, многих взяли в плен, а святого Максима повесили.

Таким образом, Ювава, в сущности еще языческий город, в 477 г. была разрушена. Немного спустя святой Руперт начал построение уже христианского Зальцбурга.

Герулы, римляне и толпы других народностей отправились далее на юг в Италию. Несомненно, однако, утверждает Эбнер, что не все так называемые «*veterani*» и «*coloni*»⁵ отправились в Италию. Создавши здесь неплохие условия существования тяжелым трудом, они не могли рассчитывать найти что-то лучшее в перенаселенной Италии. Их руками руины стали восстанавливаться и началась новая жизнь. В анналах святого Руперта под 508 годом мы находим: «*Nos tempore gens Norikorum prius expulsa revertitur ad proprias sedes*», т. е. «в это время народ Нориков, ранее изгнанный, вернулся на собственные места».

Другой источник сообщает (*Die Annales Admuntenses und das Auctarium Garftense*) под 520 годом: «*Romanorum exercitus a Bawariis apud Otingas prosternitur per Theodonem ducem*», т. е. «римское войско было разбито баварцами под *Oetting'ом* под руководством вождя Теодона».

Монах Гейнрих из Тегернзее сообщает: «*Tum Bawarica, velut nova generatio venit cum duce suo Theodone, patre illius, quem Sanctus Rupertus baptizavit*» т. е. «тогда, словно бы ново-рожденная, выступила баварская нация со своим вождем Теодоном, отцом ее, который был крещен св. Рупертом».

Монастырь Святого Петра, при котором находятся катакомбы, является единственным монастырем Германии, который существует уже с VII века. Основателем его был святой *Hruodbert*⁶, который около 690 года явился сюда из государства франков и население, исповедовавшее арианизм, обратил в католичество.

Мы опускаем длинную историю монастыря, излагающую все изменения, переделки, пристройки и т. д. Из нее можно сделать только один вывод: этот монастырь уже с VII века имеет непрерывную традицию, а часть ее сохранена еще с 477 года.

⁴ Эвгиппий (умер ок. 533 г.) – латинский христианский писатель, ученик святого Северина. – *Примеч. ред.*

⁵ Ветераны (*veterani*) римской армии, колонны (*coloni*), мелкие земельные арендаторы – различные общественные категории Римской империи. – *Примеч. ред.*

⁶ Это один из вариантов записи имени святого Руперта Зальцбургского (ок. 650–718), который проповедовал христианство в Баварии. – *Примеч. ред.*

Таким образом, интересующее нас известие о вожде рутенов Одоакре имеет длинную традицию.

Плита с надписью, по сообщению Эбнера, была воздвигнута при аббате Килиане (1525–1535), согласно Dr. Martin'у, в 1521 году. Таким образом, современная плита существует только с первой четверти XVI века, т. е. является весьма поздней.

На первый взгляд это значительно понижает документальную ценность сообщения, однако это не так. Прежде всего, Эбнер отмечает, что сначала плита была в нижней пещере, а затем, по непонятным причинам, перенесена наверх. Вместе с тем мы знаем из истории монастыря, что останки мучеников переносились, для них был сооружен так называемый *Arcosolium*⁷ и т. д.). Вполне естественно, что с 477 года утекло так много воды, что даже в тихом монастыре были переделки. Мы знаем, что дожившая до нашего времени плита переносилась из нижней пещеры в верхнюю.

Однако позволительно спросить: неужели останки мучеников не были отмечены никакой надписью с начала основания монастыря в VII веке и до XVI века, когда мы имеем непрерывную традицию? Совершенно естественно предположить, что и до XVI века была уже какая-то плита или надпись (и, возможно, не одна сменяла другую в ходе изменений в монастыре), она была только скопирована на новую плиту в XVI столетии.

Что это так, говорит самый текст плиты, именно он является настоящим доказательством верности известия: 1) мы имеем религиозную и историческую традицию, что святой Максим был умерщвлен здесь; эта традиция имеет почти непрерывный характер, 2) поход Одоакра в 477 году в этом районе не противоречит имеющимся историческим данным, 3) названы совершенно верно народы, принимавшие участие в походе: герулы, геппиды, унгры и т. д. Герулы, например, не упоминаются нигде в истории до эпохи (260–268) и исчезают совершенно со страниц истории со второй половины VI столетия. Равным образом и геппиды, постоянно встречающиеся в истории вместе с герулами, фигурируют вместе и здесь, 4) упоминание рутенов как нельзя более убеждает в аутентичности надписи: хотя имя «*rutheni*» мы находим уже у Цезаря, в продолжении многих веков они видной роли в истории не играют; об Одоакре все источники сообщают, что он был вождем герулов (то же считает и Эбнер в своей брошюре). Почему же, однако, на плите, допустим, относящейся к XVI веку, мы находим «*rex rutenorum*» («король рутенов»)? Объяснение может быть только одно: передана исторически верная деталь, дошедшая от времен Одоакра. Он был русином, но руководил он целой группой племен, среди которых выделялись герулы, поэтому его считали за герула. Многие солидные сочинения по истории объясняют, почему в отношении происхождения королей, императоров, вождей и т. д. бывает обычно путаница, – крупный вождь возглавлял много, и часто весьма разных, племен, это давало основание причислять его ко всем племенам в отдельности, которыми он управлял. Вспомним титул царя: царь польский, великий князь финляндский, император всероссийский и прочая, и прочая. Раз Одоакр управлял герулами, геппидами и т. д., то это давало основание считать его принадлежавшим ко всем этим национальностям. Однако подчеркивание малоизвестных «рутенов» ясно говорит, что здесь идет речь о его действительном происхождении.

Допустить позднейшую, так сказать, подделку невозможно. Плита об Одоакре веками хранилась в немецкой земле. Какой же смысл автору плиты, если это случилось в XVI столетии, было выдвигать какую-то малоизвестную национальность, да вдобавок племени, всегда враждебного германцам? Такое предположение – полный нонсенс.

Единственное логическое объяснение, будь ли текст плиты XVI века заимствован с более древней плиты или составлен в XVI веке на основании старинных исторических источников, – в тексте отразилась подлинная деталь V века. Если бы плита воздвигалась на славянской почве,

⁷ Аркосолий (лат. *arcosolium*, *арка для гроба*) – арочная ниша для захоронения в интерьере храма. – *Примеч. ред.*

то смысл фальшивого известия хоть был бы понятен, но на немецкой почве подобный текст совершенно неприемлем.

Но, могут сказать, может быть, речь идет о «*rutheni*» – не славянах. Против этого говорят два обстоятельства: во-первых «*rutheni*» Цезаря жили в Галлии, во-вторых, в грабеже Норика участвовали как раз соседи его: герулы, геппиды, унгры, значит, речь идет именно о «*rutheni*», хорошо известных в дальнейшей истории, именно славянах.

Здесь необходимо отметить, что все латинские источники древности и Средневековья, употребляя различные транскрипции для обозначения имени «Русь» (как-то: *russi*, *rugi*, *ruteni*, *rutheni* и т. д.), чаще всего употребляли форму – *rutheni*. Эта форма перешла и в современные иностранные языки, например, в немецкий, где она употребляется для обозначения прикарпатских славян.

Поэтому до самого последнего времени мы встречаем издания словарей: «*Ruthenisch – Deutsch*» и «*Deutsch – Ruthenisch*», что означает – словарь украинско-немецкий и немецко-украинский, т. е. по ныне совершенно устарелой терминологии – «малороссийский».

Что другие варианты транскрипции, приведенные выше, являются синонимами, видно из того, что в старинных источниках можно встретить эти варианты в применении к одному и тому же лицу или племени на той же странице (кстати, отметим, что княгиня Ольга в одном из источников названа – «*Regina Rugorum*»⁸).

Причина разнообразия названий, нам кажется, лежит не только в том, что иностранцы затруднялись в верной передаче названия латинскими буквами, но и в том, что сами «русы» называли себя по-разному: «русы», «русские», «русичи», «руснаки», «русыны» и т. д.

Можно удивляться, почему такое краткое и легкопроизносимое слово, как «рус», превратилось в латинском языке в «*рутен*». Объясняется это очень просто: в древности руссы, как это видно из договора Олега с греками 911 года, назывались «русинами». Многочисленно и то, что и до сих пор прикарпатское крестьянство преемственно называет себя «русынами» (слово «украинец» вводится буквально на памяти нашего поколения).

Если мы сравним латинское «*ruthen*» с «русын», – сходство бросится в глаза: славянскому «ру-сы-н» соответствует латинское – «*ru-the-n*». Так как в латинском языке нет звука и буквы «ы», то писавшему слово «русын» по-латыни надо было подобрать наиболее близкую комбинацию к «ы».

Звуку «с» соответствует латинское «*th*», что указывает, должно быть, на то, что в древности звук «с» в славянском языке не был чистым, а, очевидно, с добавкой какого-то шепелявого призвука, как это мы находим в греческом или английском «*th*».

Поэтому передаче славянского «русын» латинским «*Ruthen*» можно считать довольно удачной.

Не излагая здесь всего филологического материала, что отвлекло бы нас значительно в сторону, мы отметим следующее: 1) авторы, писавшие по-латыни о руссах, имели дело главным образом со славянским племенем, называвшим себя «русынами» (если бы они звались «русинами», то по-латыни передать это имя через «*rusini*» или «*russini*» ничего бы не стоило, 2) «русын» относилось главным образом к славянам западного и юго-западного угла славянства, 3) русын, русский, Русь, как известно, в Причерноморье были гораздо древнее Руси в Прибалтике, это объясняется именно тем, что славянское племя русынов издревле сталкивалось с культурными народами, имевшими письменность (Рим, Греция).

Итак, надпись, относящаяся к 477 году, показывает, что в те времена уже было племя, по всем признакам славянское, называвшееся «русынами», а сокращенно, вероятно, «русь».

⁸ «Королева ругов» (лат.). – Примеч. ред.

Таким образом, Русь «начаша ся прозывати», т. е. упоминаться в истории не с 860 и даже не 839 года, а отмечена уже для 477 года нашей эры. Этот скачок в глубь истории на 362 года может показаться совершенно невероятным.

Существует, однако, другой исторический документ, оказывающий весьма солидную поддержку плите об Одоакре. В 1926 году Археографической комиссией Украинской Академии Наук была опубликована рукопись XVII века Самуила Величка: «Сказание о війні Козацкой з Поляками».

«Гетман Богдан Хмельницкий в 1648 году призывал население Украины на защиту родины от поляков по примеру “славних и валечных (воинственных) Русов предків своїх”, которые под предводительством Одоацера (Одоакра) около четырнадцати лет владели Римом; “нам теперь кшталтом (по образу) оних древних Руссов, предков наших, кто може възбранити діяльности воіственной і уменшити отваги рицерської”».

Таким образом, в 1648 году Богдан Хмельницкий, обращаясь с воззванием к украинскому народу встать на защиту родины, напоминал славные деяния предков этого народа и то, что Одоакр, которого он считал предком украинского народа, 14 лет когда-то владел Римом.

Спрашивается: откуда же взял это Богдан Хмельницкий? Уж, конечно, не из брошюры патера Ансельма Эбнера, которую мы упоминали. Значит, в 1648 году были исторические источники, согласно которым Одоакр считался не герулом, а русом, предком украинского народа. И это сведение должно было быть широко распространенным, ибо в воззвании к народу Хмельницкий не мог говорить о вещах малоизвестных или вовсе неизвестных.

Отсюда следует, что несомненно имеются источники, содержащие более полные сведения о том, что Одоакр был вождем «русынов», но их надо искать прежде всего в польской, чешской и латинской литературе. Мы имеем налицо два факта, игнорировать которые мы не можем: плиту об Одоакре в Австрии в Зальцбурге и воззвание Хмельницкого к украинскому народу. Что это может перевернуть все наши представления, бояться нечего. В науке бывали и не такие революции.

Перейдем теперь к вопросу, как можно связать западную, по-видимому прикарпатскую, Русь Одоакра с Киевской Русью. По-видимому, русинами звали юго-западных славян, расположенных западнее Днепра и в общем южнее Киева. Эта довольно крупная ветвь славян, централизованная между Карпатами и Дунаем (главным образом в области его среднего и отчасти верхнего течения и на левом берегу), дала ветвь, дохлестнувшую до Киева.

Здесь пришельцы «русыны» или «русы» были до известной степени чужеродным телом среди окружающих племен восточных славян. Летописец совершенно ясно указывает, что древляне, располагавшиеся всего в нескольких десятках километров западнее Киева и «севера», были чужды пришельцам прежде всего своей некультурностью.

Это могло случиться только в том случае, если пришельцы явились сразу, одновременно, в виде одной волны завоевателей или иммигрантов, в противном случае совместное длительное сожительство быстро стерло бы черты разницы.

«Русины», связанные веками с Римом и Грецией, были, конечно, гораздо более культурны, чем восточнославянские племена, в частности, сидевшие на Днестре.

Что же касается полян, то они, по-видимому, быстро растворились в Руси, хотя летописец все же отметил разницу, существовавшую между ними.

Так, под 944 годом мы находим: «Игорь совокупив вои многи: Варяги, Русь, и Поляне, и Словене, и Кривичи, и Печенеги ная (т. е. нанял)...» Здесь противопоставление Руси и полян совершенно очевидно, летописец еще различал их, но вместе с тем упоминание их рядом указывает на их близкое соседство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.